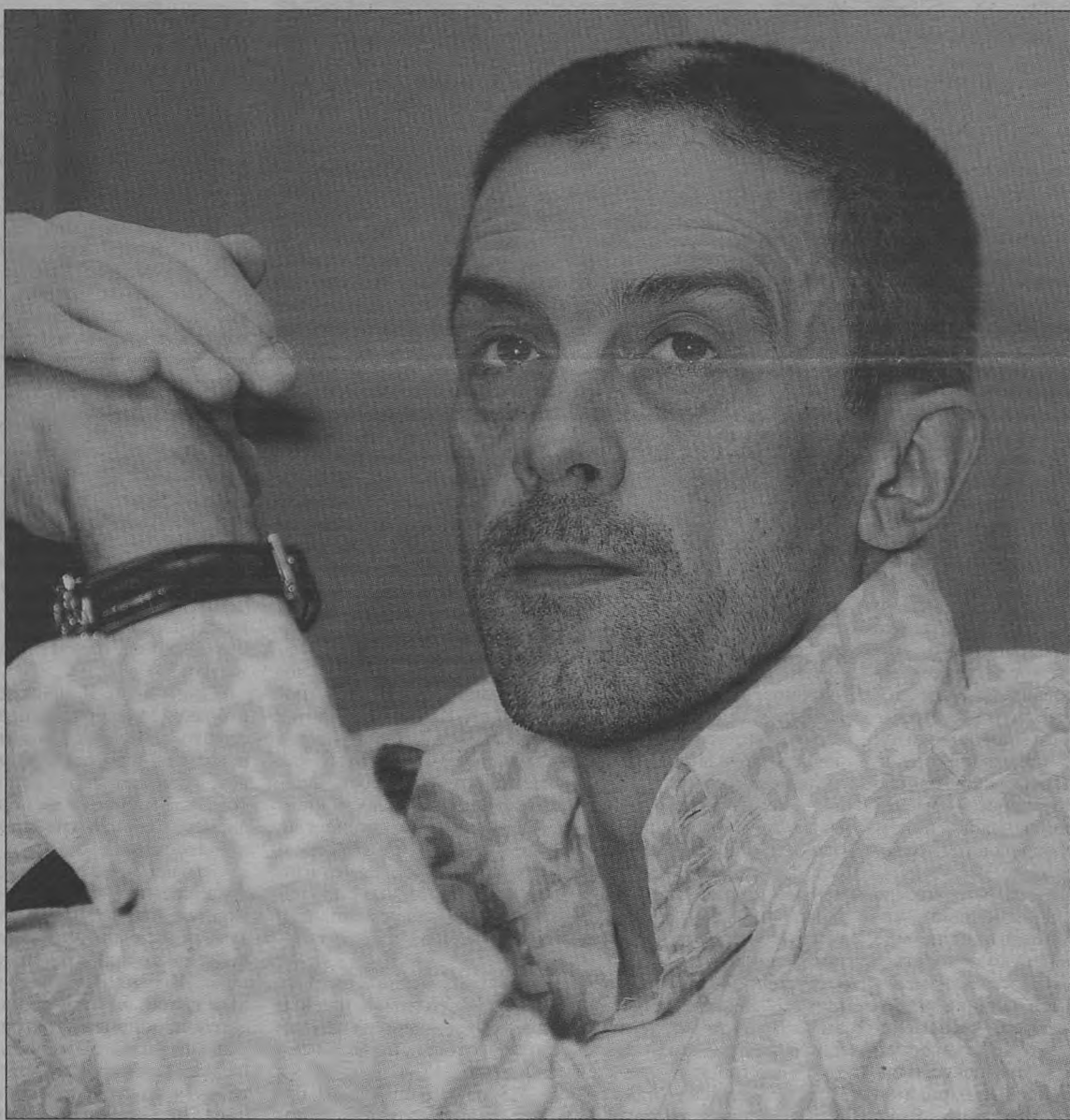

Эдуард БОЯКОВ:

«Режиссерская работа оказалась комфортнее, чем продюсерская»

13 января на сцене Центра имени Вс. Мейерхольда прошла премьера спектакля "Hochzeitsreise. Свадебное путешествие" по пьесе Владимира Сорокина. Впервые пьеса была поставлена в Берлине, в театре "Фольксбюне" режиссером Франком Касторфом. Российскую премьеру подготовили двое: ученица Камы Гинкаса Илзе Рудзите и Эдуард Бояков — известный театральный продюсер, генеральный директор Ассоциации "Золотая Маска". Для Боякова эта постановка — режиссерский дебют.

по-разному: начиная со страсти к коллекционированию до всяких сексуальных отклонений. И здесь наступает жесткая сорокинская история об их попытках любви.

— Перейдем от драматурга и его пьесы к режиссеру. Как вы считаете, оказали ли на вас влияние какие-то течения, тенденции в нашей или западной режиссуре?

— Думаю, что с моей стороны было бы нескромно говорить о каких-то тенденциях, прибегать к каким-то школам. Я только начинаю пробовать себя в этой профессии, мне доставляет огромное удовольствие репетировать. Тем более, что сорокинская пьеса дает возможность очень интересно работать. Я счастлив встрече с фантастическими актерами. Андрей Смоляков — это один из самых любимых моих актеров, с которым я всегда мечтал работать. Он — один из самых интересных актеров

на российской сцене, это — высший класс! Оксана Фандера и Анна Большова — это две звезды, красавицы, потрясающие актрисы, девушки с удивительным, взрывным темпераментом. Декорации создал мой любимый художник Юрий Хариков. Они все на меня очень сильно влияли, и мы все вместе что-то искали. Несмотря на отсутствие режиссерского опыта, мне кажется, что и они от меня что-то получили. А если говорить о влиянии учителей, то, конечно, оно было. Я с огромным пиететом отношусь к нескольким фигурам. Прежде всего, это Зиновий Яковлевич Коргодский — великий педагог, режиссер. Я с ним встретился 12 лет назад, но никогда не учился у него в вузе. Я проводил время рядом с ним на его семинарах, мастер-классах как помощник, как участник дискуссий. Считаю, что это — реальная педагогика. Вторая фигура — это Михаил

Бычков, он старше меня всего лишь на несколько лет. Именно он пригласил меня работать в театр. Он учился у Марии Осиповны Кнебель, и над его столом в кабинете висел только ее портрет. Таким образом, и я приобщился к ее книгам, слышал его рассказы о ней. И как завлит я проводил очень много времени на репетициях. Тогда я и учился режиссуре. Кроме того, мне очень много дало общение с потрясающим кинорежиссером Рустамом Хамдамовым. Я всегда мечтал увлечь его работой в театре, может быть, она когда-нибудь осуществится. Я считаю своим учителем Клима — режиссера, работающего в Петербурге и Москве. Есть режиссеры более младших поколений, оказавшие на меня влияние. Проводя дни и ночи на репетициях в Мариинском театре рядом с Митей Черняковым, я тоже многому научился. И то, что я пытаюсь делать сейчас, проис-

ходит в диалоге с этими людьми. И для них. Для меня очень важно мнение близких людей, во том числе и режиссеров.

— Предусматривает ли особая сорокинская драматургия соответствующие режиссерские построения?

— В отличие от других произведений Сорокина, например, "Дисморфомании", эта пьеса нарративная, то есть повествовательная. Не думаю, что здесь приемлемы какие-то, скажем, абсурдистские ключи. Но, конечно, должен быть свой ход. Я думаю, что подход к новой пьесе должен отличаться от того, который применяется к той, что уже ставилась. Есть искусство презентации и искусство интерпретации. Если ты ставишь "Чайку", то в твоём подсознании обязательно будет присутствовать то, что она уже ставилась тысячу раз. Текст Сорокина — это российская премьера. И для меня было очень важно придумать такие обстоятельства, создать актерам такие условия, чтобы текст их вел, давал бы им импульс к действию. Я вовсе не поклонник "говорящих голов" на театре, но считаю, что актерские действия и эмоции должны рождаться из текста. В этом и заключался репетиционный метод. А вообще — это очень сложный текст, предъявляющий очень серьезные требования к актерам, в том числе касающиеся физических характеристик. Там достаточно много текста, произносимого на "вокальном уровне". Эмоции, переживаемые героями, — предельны; ведь речь идет о жизни и смерти, самых главных поступках в жизни. Естественно, что эмоциональный накал, которого мы хотели бы достичь — тоже предельный.

— Вы что-то согласовывали с Сорокиным в процессе работы?

— Да, конечно. Я согласовал свою редакцию, предложил Володе мой вариант текста. Он его принял. Мы слышали друг друга, он приходил на репетиции, он очень тепло отнесся к актерам, к моей попытке. И поддерживал меня, как старший брат. Я очень волновался и благодарен ему за это, ведь рисковал не только собой, но и его текстом. Счастлив, что дружу с Сорокиным. И это связано не только с тем, что ставлю его пьесу. Я ставлю пьесу потому, что мне нравится Сорокин. Мы сейчас работаем с ним в очень серьезном проекте в Большом театре: вместе с Леонидом Десятиковым сочиняем оперу. Так что это — не первый опыт работы с Владимиром Георгиевичем.

— Словом, у вас в работе имеет место настоящая идиллия?

— Тыфу, тыфу, но режиссерская работа оказалась намного приятнее и комфортнее, чем продюсерство. Как бы не произошло, но я знаю точно, что за качество нашей работы мы отвечаем. Самое страшное, когда потом приходится за что-то оправдываться. Этого не будет. Хотя допускаю, что кому-то не понравится. Ведь и сам Сорокин многим не нравится. Но в этом-то и прелесть!

— В прошлом году появились слухи, что вы собираетесь бросать "Золотую маску". Можете ли вы сейчас подтвердить или опровергнуть их?

— Бросать "Маску" я не буду, это совершенно точно. Но находиться в должности генерального директора после того, как мы отметим ее десятилетний юбилейный год, я тоже не планирую. Не хочется быть старожилом и планировать что-то к 25-летию. (Смех). Я хочу попробовать себя в разных качествах, заниматься разными проектами. Что касается "Золотой маски" — то это ведь не мое детище, а наше совместное: СТД и всего нашего коллектива. И я не имею право "бросить" ее. Я буду думать о том, в каком качестве смогу пригодиться этому проекту. Но отдавать ему, как раньше, по 14 часов, я не смогу.

— То есть, продюсер Бояков постепенно уступает место режиссеру Боякову?

— Посмотрим. Поговорим об этом после премьеры.

Вопросы задавал Павел ПОДКЛАДОВ

Экран и сцена.